

Алла КЕЧЕДЖАН

ГОРОДСКОЙ ОСТРОВ

Мариупольские рассказы

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Бабушка несет к колонке два алюминиевых таза белья, которое она замочила с вечера. С грохотом ставит первую миску под струю ледяной воды и, разогнувшись на минуту, стирает пот со лба.

— С утра уже тридцать. Что же дальше будет? — вздыхает.

Я стою у колонки сонная, но знаю, что бабушке без меня не справиться.

Вода переливается через край, а за ней выныривают углы наволочек и пододеяльников, которые я ловлю и окунаю обратно в воду.

Солнце играет в воде, бьется на мелкие капли, которые весело разлетаются на грядки с капустой. Капустные листья тоже в стирке.

Я зачерпываю горсть воды и попадаю в распысканный от влаги кочан:

— Бабушка, смотри, она живая, она пьет.

— Перестань плескаться, вода ледяная, заболеешь и на море не пойдешь, — ворчит бабушка.

Волоком она перетаскивает белье в пустой эмалированный таз.

Мокрые пододеяльники гирей висят на загорелых бабушкиных руках. Она их ловко скручивает, чтобы отжать досуха. Постепенно все белье перемещается в таз. И, казалось бы, что может быть проще, чем повесить белье на веревку?

Бабушка встает в позу дозорного и смотрит на заводские трубы.

— Ох, опять не повезло, ветер с моря, дым в нашу сторону, — вздыхает она. — Надо ждать, когда ветер переменится.

На Горострове все знают, как опасна сажа с завода для белья. И чем оно белее, тем хуже.

— Сиди и жди, когда ветер переменится, — наказывает мне бабушка, а сама уходит в летнюю кухню жарить яичницу с помидорами.

Я смотрю на трубы неподвижным взглядом, чтобы не пропустить, когда ветер подует либо в море, либо на правый берег.

— Бабушка, бабушка, ветер переменился!

Алла Гаспаровна Кечеджан — писатель, автор проектов, родилась в Ворошиловграде (ныне Луганск) в 1971 году. Окончила филологический факультет ЛГПУ им. Т. Г. Шевченко. С 1996 года проживает в Москве. Автор книг и образовательных проектов для взрослых по математике, психологии общения, иностранным языкам, книг «Математика для безнадежных гуманитариев», «Руководство к счастью», «Книга парадоксов Аллы Кечеджан» и других.

Бабушка возвращается, берет одну миску с бельем и длинную палку. Палку, чтобы подпереть старую провисшую веревку. Иначе края простыней будут задевать высокий бурьян.

У меня на шее бусы из деревянных прищепок. Белье нужно растянуть на всю площадь, не складывая. Ветер может перемениться за полчаса, и недосушенное белье придется снимать и вешать снова.

Я снова медитирую на дым, я снова на дневном дозоре.

БУЛОЧКИ ПО ТРИ КОПЕЙКИ

- Вон фургон хлебный проехал. Надо за хлебом.
 - В такой зной рыба спит, а человека из тени не выгонишь, — ворчал дед.
 - Деда, я схожу, — вызвалась четырехлетняя Алька.
 - Она дороги не знает, потеряется. Нам мать голову свернет.
 - Я уже большая. Дед меня сто раз в магазин брал.
 - А ну расскажи дорогу! — съехидничала бабушка.
 - Со двора к переправе, дальше — проход между двух заборов, дальше — в сторону моря, вот и все.
 - Ишь, баловница, и впрямь дорогу знает, — сказал дед.
- Бабушка помялась и дала Альке мелочь под расчет.
- Так, запоминай: шестнадцать копеек серый — для супы на приманку, двадцать пять копеек на паляницу и на пять булочек по три копейки еще пятнадцать копеек.

Алька зажала в кулачок монеты, схватила сетку, пока не передумали, и пулей понеслась к калитке.

Хлеб в островской магазин по будням всегда привозили в двенадцать часов, вываливали свежие буханки из ящиков прямо на полки, а люди брали его голыми руками. Висела рядом с полками деревянная палка, на скалку похожая, чтобы руками хлеб не трогали — мягкий ли, а надавливали на него палкой. Но вчерашнего хлеба в магазине не бывало.

Серый разбирали на квас и приманку для рыбы, а белый с горбушкой — себе на бутерброд.

Булочки по три копейки ели, как пирожки без начинки. И был у них запах — никто не мог устоять, чтобы по дороге хотя бы одну не слопать. Вот и Алька любила эти булочки до того, что от самого вкусного пирожного могла отказаться за половинку такой булочки.

Идет по дорожке домой с полной сеткой хлеба, а они сами просятся в рот.

— Ну, если я кусочек откушу, бабушка не ругает?!

Откусила кусочек и не заметила, что булочки уже и нет.

— Ладно, съем еще одну, скажу бабушке, что больше булочек не было — последние три взяла. А сама себе думает: обманывать нехорошо, обманывать нехорошо...

Пока думала, с пристани выскочила собака, перегородила Альке дорогу, лает.

— Ты, наверное, булочку хочешь?! У меня только одна осталась, вот, держи.

Голодная собака вцепилась в булку, а Алька уже завидела крышу бабушкиного дома.

Вошла на кухню, положила на стул сетку и говорит:

— Бабушка, я обманывать не люблю, я только четыре будочки съела, а последнюю собачке отдала, чтобы она меня пропустила.

Алька ждала, что бабушка ругаться начнет, а она ее погладила по голове:

— Какая ты умная девочка, додумалась, как от собаки убежать, а то еще она бы тебя покусала. А булочек так много есть не надо, сама станешь, как булочка за три копейки.

РЫБАЛКА

Будильник зазвенел в три часа ровно.

Бабушка проснулась и начала складывать пирожки с вишней в узелок, еще бутерброды с «Докторской», два помидора и три огурца, сорванных вечером в огороде.

— На рыбалку, — прошептала бабушка, чтобы не разбудить спящих рядом брата и сестру.

Я, полная предвкушения, выползаю из-под одеяла, снимаю длинную ночнушку и шарю руками по стулу: где-то здесь лежит мое голубое ситцевое платьице в ромашку.

Минуту спустя я уже хорошо вижу в темноте, привыкла. Бабушка дает мне в руки узелок с едой. Дед уже в лодочной будке на берегу. Лодка, конечно, туда не помещается, только снасти, самодельные удочки и спиннинги, ведра для смолы и слитки олова для грузков.

Дедушка дает мне в другую руку макуху в сетке — это такая приманка для рыбы, бабушка берет под мышку шесть удочек и сачок, а дедушка — весла с железными скрипучими уключинами, ведро с червями и два якоря на веревках.

Лодка деда привязана к почерневшему, латаному-перелатаному мостику, по которому только кошке легко перемещаться. Человеку с непривычки здесь не пройти: либо провалится в дырку между гнилыми досками, либо доска ему в лоб отскочит. А может и в камыши к головастикам свалиться.

Но мы-то мостик знаем так, что идем к лодке со своей поклажей, как по ровной мостовой.

Дед вставляет весла в уключины, весь груз спускается на воду, последней в лодку прыгаю я. Бабушка остается на берегу, а мы уходим в море.

Идти на веслах километра три. Лодка легко скользит по течению, и выталкивает нас из устья реки в море. Занимается заря.

Я, конечно же, капитан, сижу на киле в позе йога и то и дело по-капитански командую:

— Курс на солнце! Полный вперед!

Потом поворачиваюсь к деду и по-детски кляну:

— Деда, дай погрести, ну хоть одним веслом.

Дед говорит с интонацией, после которой разговоры бесполезны:

— Не успеем, рыба уйдет... На обратном пути погребешь.

— На обратном пути? Против течения? Не ври, деда!

Дед знает, что в полуденный зной весла я просить не буду, а буду просить только об одном, чтобы он меня выбросил за борт охладиться.

Плывем минут сорок, за маяк, где бердянышей (это бычки такие) на голые крючки ловить можно. Но бычки на котлеты ловлю только я, дед охотится на сулу, так здесь судака называют. Ловят его только на живца — мелкую рыбешку.

Дед забрасывает один якорь с киля и ждет, пока лодку выровняет ветер и она встанет поперек волны, чтоб меньше качало, потом второй — ровно напротив на корме. Если посмотреть издали, то лодка похожа на качели, привязанные к морю.

Прохладно еще, хорошо, но солнце уже на четверть пути к зениту.

Лодка подтекает. Когда воды станет по щиколотку, нужно взять консервную банку и вычерпывать воду, иначе часа через три наберется пол-лодки.

А пока я вожусь с морским червем. Он очень длинный и лохматый, ворсинки у него тоже длинные и щекочут пальцы. Червя жалко, но об этом думать некогда. Его надо на крючки насадить и побыстрее закинуть удочки. Это для судака крючок один, судак — хищник умный, а бычки глупые, как бычки. Дерутся за червя, сколько крючков на удочку ни навяжи.

Чтобы леска не лопнула, крючков от трех до пяти. Удочки держать надо крепко, а то в море унесет. Мой борт — левый, а дед справа для судака макуху в сетке через бортик в воду спустил. Я и до сих пор не знаю, есть ли у рыбы обоняние. А в пять лет была уверена, что рыба семечки не меньше людей любит.

Не успеваю закинуть две удочки, как клев пошел. Но тащить рано, надо ждать, пока леска начнет плясать в разные стороны, значит, бычков на леске как бус на нитке, тогда и потащу.

— Деда, снимай!

Дед снимает с крючков последнюю пляску бердянышей и кочегаров — черных бычков. А если малек попался, тут же его на крючок — и сулу с сачком поджидает. Без сачка сулу не вытащишь. Тяжела.

На дне лодки уже приличный улов бычков и таранки, а судак все не идет.

— Волна поднимается, — говорит дед. А я это уже чувствую, тошнота подступила выше некуда.

— Полежу я, деда.

Дед не дает мне улечься на дне лодки, подхватывает и кидает в море. Море в жару как прорубь после бани.

— Держись от крючков подальше.

Я переворачиваюсь на спину и качаюсь на волнах.

— Ну, охолодилась, хватит.

Мускулистая рука деда в матроске по локоть вытаскивает меня из воды, как будто я легче рыбы.

— Слышишь? Большая клюет.

Дед спешно сматывает спиннинг и готовит подсадной сачок.

— Ого, килограмма на три потянет! Баба будет довольна!

Дед сажает пленника в сачок и спускает в воду, чтобы привезти домой живую рыбу.

— Деда, а он сачок не прогрызет?! Вон у него зубы какие, как у акулы.

— Штормит, возвращаться надо.

К полудню я — высохшая вобла. Всю обратную дорогу валяюсь на дне лодки, по мне скачет рыба, и только когда воды становится совсем много, беру консервную банку и выплескиваю воду через край.

— На весла хочешь?

А я к этому времени уже похожа на Лимона в синей шляпе. Вы же наверняка знаете историю о карманной собачке, рассказанную когда-то Михаилом Пришвиным.

— И что, не ели ничего? — бабушка видит нетронутый узелок с едой под килем и неодобрительно качает головой.

— Ну, некогда было, ба.

НЕВЕСТА

— Листья закллужат, листья закллужат и улетят,

Очень мне нужен, очень мне нужен

Нежный твой взгляд.

Я держу в руках трубку игрушечного телефона, набираю номер, вращая кольцо пластикового циферблата, и не понарошку представляю, что на другом конце провода мне ответил мой любимый моряк Женя.

Женя — высокий, жилистый, гладко загорелый и гладко выбритый моряк девятнадцати лет, который уже год служил в Азовском морском флоте.

Однажды на танцах в городском саду Женю на белый танец пригласила моя тетя, которой едва исполнилось семнадцать. И у них началась любовь.

И что же мне было делать, если тоже не влюбиться в моряка Женю.

— Возьми меня на свидание! Это не честно! Я тоже невеста, — хныкала я, дергая юную тетю за юбку-солнцеклеш.

— Мала еще, с бабушкой побудь. Меня с тобой в порт не пустят. У меня один пропуск. А у Жени увольнение всего на пять часов.

Я продолжала лить слезы, а бабушка от греха подальше была кровно заинтересована, чтобы я отправилась на свидание с такой влюбленной юной леди, и притворилась, что ее срочно вызвали в заводоуправление.

— Возьми ее с собой! Я неизвестно когда вернусь, — сказала бабушка таким тоном, что даже не пришлось добавлять: а то куда не пойдешь.

— Ма, ну вот ты опять, с чего ты взяла, что я в подоле принесу. Мы с ним и не целовались еще.

— Ох, лукавишь, дочь! — погрозила пальцем бабушка, захлопывая за собой двери.

— Вот хвост! Не отвяжешься. Ну, собирайся. Краситься будешь? Чур, только губы. Кофту не забудь, холодно вечером.

Женя ждал свою невесту, как и условились, у входа в порт.

Завидев своего возлюбленного, я отдернула руку и понеслась вперед.

Женя автоматически подхватил меня и посадил на шею.

Вместо того чтобы обнять его за шею, как это делают маленькие дети, я схватила его за ленты бескозырки и прокричала:

— Но-о-о, лошадка!

— Вот, не с кем оставить, — понутив голову, сказала тетя.

— Ну, ничего, с ней даже веселее.

Спустя много лет я узнала, что в этот момент они решили завести своих детей.

Тренировались на мне, одним словом.

Свидание пришлось провести на аттракционах. Меня катали на машинках и на пони. Конечно же, купили мое любимое мороженое «Каштан».

— Такие молодые, а уже детей завели, — похвалила пару мороженщица.

Так мы гуляли-гуляли до самого вечера, а когда стало совсем темно, я уснула, и Женя сначала носил меня на руках, а потом они положили меня на лавочку в Ротонде, а сами начали целоваться.

Мне было очень обидно, и я хотела поскорее вырасти, чтобы тоже выйти замуж за моряка Женю.

На свадьбе я так и заявила:

— Ну ничего, тетя, выходи сначала ты за Женю первой замуж, а когда я вырасту, он обязательно на мне женится. Я терпеливая.

СОЛЕНАЯ РЫБА

Мы с дедом собираем со дна лодки бычков и редкую плотвичку, которая случайно заблудилась в море, и складываем ее в погнувшееся жестяное ведро.

Дед ставит на мостик тяжелый улов, а я караулю ведро, пока дед не отнесет весла и снасти в гаражную будку и не вернется с замком для лодки.

Бабушка несет сачок с сулой, в котором бьется благородная рыба, обреченная на заклание. Сула — только на уху или на маринад. Жарят ее в исключительных случаях — к важным гостям. А бычки идут на котлеты.

Перед домом стоит высокий самодельный стол, где бычков уже ждет мясорубка. Бабушка ловко потрошит рыбу, а рыба подсакивает так высоко, что шлепается в песчаную пыль под столом, как в муку.

— Иди рыбу собирай!

Я поднимаю бычков, полощу их в ведре и кидаю в мясорубку.

— Куда с хвостами! — кричит бабушка, вырывая у меня из рук бычка. — Под нож не лезь! Иди с дедом за солью. Соли мало.

Где рыба, там и соль.

Я бегу к деду, который лежит на диване с открытой газетой в руках.

— Деда, где тачка для соли?

— В будке!

— Бабушка нас в островской магазин за солью посылает. Нечем рыбу солить.

Дед кричит и неохотно встает с дивана. Мы идем в гараж за самодельной одноколесной тачкой и едем на другой конец острова в магазин.

Вернее, это я еду, а дед меня везет, насвистывая «Валенки-валенки...».

Дед выгружает меня и ставит в тележку полмешка соли.

В пачках соль не берут. Даже бычков посолить не хватит, не то что таранку или мраморного леща, которых ловят в реке в те дни, когда море штормит.

На столе летней кухни нас уже ждут наваристая уха из судака и хрустящие котлеты из бычка. Мы садимся обедать, а у бабушки еще полно возни с рыбой.

Просоленную рыбу развесить и свежую засолить. Благо рыбу на засолку не чистят и не потрошат.

Бабушка возится у колонки с рыбой, как с бельем. Полощет и отряхивает от воды. Вот уже вся рыба перекочевала из ведра в алюминиевый таз, и бабушка густо посыпает ее крупной каменной солью, зачерпывая горсть рукой прямо из мешка.

— Дед, носи тазы наверх.

Дед берет тяжелый таз под мышку и несет рыбу на веранду.

— Хорошо накрыть марлей не забудь!

Марля — спасение от мух и от ос. Все любят соленую рыбу, особенно осы.

Какая плохо накрыта, ту вмиг облепят и обгложут до скелета так, как будто этому скелету тысяча лет и его на раскопках нашли.

Гонять мух и ос заставляли нас, детей. Можно тряпкой гонять, можно лебедой, но лучше всего камышом. Камыш длинный, сиди себе на лавке и смахивай всех крылатых гурманов с марли.

Рыбу вялить дня три на солнце надо, главное, вечером не забыть ее убрать с веревки.

А утром на рынок — продавать. Бабушкину рыбу с руками отрывают. Брюшки у таранки прозрачные, как янтарь на просвет.

Таранку, как хлеб, на мягкость проверяют. И на гибкость еще.

Вокруг бабушки настоящий аукцион.

— Мать, за рубль уступи!

— Полтора даю.

На заработанные деньги бабушка покупает живую курицу и сажает ее в сетку. В другой руке у нее арбуз килограмм на десять. Он ни в какой мешок не влезет, и бабушка тащит его под мышкой.

Я несу пару десятков свежих яиц такого размера, какой в современных магазинах не сыщешь. Надо в городской автобус влезть, а у моста пересесть на пазик, который до Горострова идет. Как с такой поклажей пешком?

Место бабушке уступают. Она кладет курицу на колени, та кудахчет, вырывается — аж перья летят. Арбуз какому-то дядьке на руки взваливает. Тот даже и не думает сопротивляться.

— Яйца целы? — кричит бабушка в надежде, что я влезла в набитый автобус без ущерба для них.

— Все нормально, бабушка!

Я стесняюсь, что бабушка так громко разговаривает. Но это еще не все. Через пять остановок она умудряется познакомиться со всеми, кто сидит рядом, и узнать истории жизни.

Островской пазик тоже битком. Но и это не беда. Я смотрю на курицу, я знаю: ей осталось минут десять жизни. У самой калитки готовы для нее плаха и топор. Сейчас бабушка вытащит ее из сетки, и... кровь хлынет из того места, где была голова.

Бабушке некогда: надо воду на бульон ставить. А курица как начнет бегать без головы, минуты три бегают, пока дух из нее не выйдет вон. А я стою и даже плакать не могу.

До сих пор эта бедняжка перед глазами, как всадник без головы. До сих пор курицу не ем. А рыбу люблю, хоть та даже на сковородке скачет.

РУСАЛКА

— Нельзя! Куда?! Ударисься! Там якорь на дне! Стой! — бежит за мной мама по старому деревянному мостику.

Но я уже нырнула с разбегу в «муляку». И вынырнула, хохоча, с черным илом и водорослями на голове.

— Русалка, — подхихикивают рыбаки с лодки.

Мама плачет, ощупывая мою голову.

— Слава богу, цела, — сначала причитает надо мной, а потом кричит: — Как ты не понимаешь, ты могла разбиться, ты же совсем не знаешь, сколько мусора там под водой, а лодочные рельсы, а ржавые якоря...

— Классно я ныряю?!

— Надо отшлепать тебя хорошенько, нечего с тобой говорить. Полезешь еще раз, на море больше не возьму, — отчитывает мама.

— А на речку? — задаю я логичный вопрос. — А на канал?

— Вот беда, а не ребенок. Ничего не боится. К доктору тебя, что ли, отвезти.

— А что, доктор сделает меня трусливой? Такого доктора не бывает. Ты меня просто пугаешь.

Мама волоком тащит меня домой, я вырываю руку и мчусь к большой луже.

— Только этого еще не хватало!

Я послушно возвращаюсь и всю дорогу молчу.

Мама сажает меня в корыто с подогретой на солнце водой.

— Что молчишь? Стыдно? Ты же чернее трубочиста! — цитирует она Мойдодыра, вытаскивая водоросли из длинных волос.

Прыскаю со смеху так, что изо рта вылетает лягушонок, которого я успела спрятать в рот, когда бегала к луже.

— Так и знала, что ты еще какой-нибудь номер выкинешь, — с визгом отскакивает от корыта мама.

Лягушонок во рту — мой коронный номер. Так я пугаю детей, если они не пускают меня на качели или не берут на канал.

Но сейчас я наказана. Меня заставят читать, когда все пойдут на пляж. Хотя оставлять меня дома без присмотра еще опаснее, чем взять с собой.

Взрослые не любят ходить к морю. Там мелко, вода слишком теплая, за детьми гоняться надо, потому что море то по щиколотку, то по шею.

Другое дело — канал. Вода прохладная, как в проруби после бани. Дети окунутся возле берега и бегом на солнце греться. Пляж на канале узкий, волн нет, видно все как на ладони. И нырять негде. Правда, здесь есть тарзанка. И за мной здесь нужен глаз да глаз, чтобы я к взрослым мальчишкам не сбежала.

— А большой наш остров? — спрашиваю я у моряка Жени, который уже стал мужем моей тети.

— Может, с километр.

— А почему он остров?

— Ну, он, конечно, не остров, а полуостров: справа река, слева канал, прямо по курсу — море.

— А почему он наполовину остров?

— Потому что за кормой нет воды — там город. А остров, он со всех сторон водой окружен, а этот — только с трех.

— А сколько сторон у всех сторон?

— Отстань, у мамы спроси.

Спрашивать мне надоело, и я хочу булочку за три копейки.

— Ма-а, пусти в магазин!

— Никуда я тебя не отпущу одну, ты еще и босой на пляж пришла, в магазин тебя без шлепок не пустят.

Я задумываюсь. Это очень серьезный аргумент. Продавщица тетя Валя без шлепок ни за что не пустит.

— Так я Женины возьму!

— Убьешься в них, у Жени сорок третий размер.

И я опять понимаю, что мне ничего с ними нельзя, и жду деда с рыбалки. Завтра он обещал меня за Моргал (так дед называет маяк) на Горячку взять.

ГОРЯЧКА

— А дед меня за Моргал повезет!

— Тебя мать не отпустит.

— А она не узнает.

Я знаю: чтобы никого не спрашивать, надо проснуться в три утра, когда бабушке и в голову не придет будить маму и спрашивать разрешения.

Мама гостит на острове всего неделю. Она приехала меня в первый класс забирать, а на рыбалку мы с дедом ходим через день.

Весь день я молчала и думала только о том, как бы не проспять. А еще — как выбраться мышкой, чтобы ничего случайно не задеть и никого не разбудить...

Мы в лодке!

— Деда, успеем до солнца?

— Успеем-успеем, — дед ехидно усмехается, потому что светает.

После Рыбзавода завиднелся маяк, а за ним — шлаковая гора.

— Деда, а откуда вода горячая на Горячке?

— От шлака.

— А почему шлак горячий?

— Потому что его, как пенку, со стали собрали, погрузили в вагоны и ссыпали в шлаковую гору. Она внутри всегда горит.

— Как же она в море горит? Разве вода не гасит огонь?

— Гасит и кипит.

— Ну, мы же не в кипятке купаемся.

— Нет, она только в глубине горит, ну как угли в печки после растопки.

— А почему поезд по дороге не плавится?

— А у него вагоны из огнеупорного кирпича.

— Наша шлаковая гора — как вулкан?

— Ну почти, только лава не извергается.

Пока я думала, лодка причалила к пирсу, на котором было написано: «Купаться строго запрещено».

На шлаковую гору только местные ездили купаться без опаски. Места нужно знать, а то сварись и пойдешь крабам на корм.

Высокие берега бурого цвета окружали круглый водоем, который можно было принять за горное озеро. Над Горячкой стоял пар, как в бане. Дед всегда купался одетым. Он только снял высокие рыбацкие сапоги и размотал портянки, прыгнув в воду в штанах и тельняшке.

— Айда, баловница! Только не ныряй, сварись.

Я вошла в воду, вода бурлила, как в джакузи, хотя тогда мы знать не знали, что такое джакузи, их даже в фильмах не показывали.

— Деда, смотри, гейзеры!

Вода вырывалась и булькала, словно мы варились в кастрюльке.

— Долго нельзя, баловница, здесь сероводород, надышишься, потом голова болеть весь день будет.

Дед чуть подсушил ноги, обмотал их портянками, снял и отжал тельняшку.

А на мне все быстро сохло, тоненькое у меня было платьице, коротенькое, вон у взрослых такие купальники.

К семи мы вернулись. Мама только проснулась:

— Опять на речку без спроса ходила.

МОРЯЧКА

Я болтаюсь на дне лодке, как вяленая вобла. Дед на веслах. Мы входим в самое устье реки, где море и реку разделяет узкая полоска свай, на которых, как воробьи на проводах, расселись чайки в ожидании легкой добычи — рыболовецкого судна с подвешенными на кранах сетями рыбы, соскальзывающей в море.

— Ты со мной или на пляж? — спрашивает дед.

— На пляж деда, жарко, выбрасывай меня.

Дед с размаха бросает меня в воду, и я плыву на пляж. Плыть метров триста, главное, не потерять из виду боек и держаться курса на старый корабль, чтобы тебя не занесло на глубину в канал. Конечно, из судоходной части тебя тут же достанет береговая охрана на резиновой моторной лодке, но потом горя не оберешься — отвезут в милицию, вызовут бабушку. А то и маму из другого города. И будут отчитывать. Но пока всего этого я не знаю, просто плыву по-собачьи и стараюсь не упускать из виду корабль. А когда переворачиваюсь на спину, то прислушиваюсь к воде: если слева вода холодная и шумная, значит, снесло немного. Надо опять перевернуться и плыть прямо по курсу.

Море не страшное, почти штиль, но пробовать дно строго-настрога запрещено: повсюду ямы с муляжой — это ил здесь так называется. Вот только было воды по колено, соскользнешь — и тебя уже закрутило и потянуло вниз. Без взрослых не выберешься. Устал — лежи на спине. Но недолго. Течением тебя разболтает и снесет. Поэтому лучше грести руками, как лопастями — по очереди. И я гребу. Платье на мне коротенькое, как купальник, волосы просоленные, кожа упругая и черная, как покрывки. Море плотное, выталкивает тебя, только нос над водой держи, чтоб волна неожиданно не накрыла, потом трудно отдышаться. Ну, и дед учит: «И тело, и лодку всегда ставь поперек волны, как ледоход». При чем здесь ледоход, я не понимала, но деду лучше знать, он моряк бывалый, не из таких переделок выбирался.

Пошел дед как-то со своими друзьями — островскими рыбаками — далеко в море на судака. Шторм их такой застал, что лодку перевернуло. Никто не спасся, кроме деда. Плыл он, плыл, как я сейчас, и дождался штиля. А там его другие рыбаки подобрали и на остров домой привезли. Про деда в газетах написали, что он пять километров проплыл на руках без ноги. Бабушка говорит, что он в рубашке родился, но я думаю, что он родился в тельняшке.

— Алька, Алька плывет, — встречают меня дети на косе уже совсем близко к берегу. — Айда играть в догонялки! Тебя бабушка ищет!

Выхожу на берег, стаскиваю с себя платье, встряхиваю его слегка, вешаю на заброшенный корабль сушиться. И ныряю с разбегу в море. А там мель — опять колени расцарапаны.

Бабушка стоит на берегу и нетерпеливо зовет меня:

— Хватит, заболеешь! Вот я этому черту старому покажу, если еще раз тебя в море выбросит одну.

— Да что с ней будет! — спорит дед. — Она же морячка. Ее море любит.

ТЕНЬ

В островской магазин можно идти через остров, а можно — по объездной.

Никакая дорога не быстрее. Хочешь спрятаться от солнца до полудня — поворачивай со двора налево, после полудня — направо.

Но в полдень, когда солнце висит над островом яркой лампочкой без абажура, уже не поболтаешь со своей босой тенью, весело скачущей слева или справа от тебя.

— Сходи в магазин за хлебом, — просит бабушка Альку.

— Ба, я одна не хочу, мы после обеда со своей тенью сходим.

— Хлеб нужен к обеду, фургон «Хлеб» уже минут пятнадцать как мимо проехал, — настаивает бабушка. — Сходи туда без тени, а обратно вместе вернетесь.

«Какой же дорогой идти? — думает Алька. — Пойду без тени через остров, а обратно по тротуару с тенью вернемся. Тень по асфальту больше любит скакать. Заодно и за ягодками зайдем».

Алька хватается авоську, зажимает в кулачке мелочь и вприпрыжку бежит в островской магазин, пока никто не заметил, что она босиком. Она знает, что босиком быстрее, а подошвы на пятках у нее стали жесткими, как подковы у лошадок — хоть цокай.

— От топота копыт пыль по полю летит, — Алька топает по очереди ногами под каждый слог скороговорки, представляя себя лошадкой. А пыль летит, как от целого табуна, скачущего галопом по пыльной проселочной дороге.

Ноги утопают в песке, смешанном с придорожной и угольной пылью, мелкими ракушками, камешками, заводским дымом и рыбьей чешуей.

Ноги до колен у Альки припудрены всей таблицей Менделеева.

Тетя Валя без обуви в магазин не пустит, поэтому Алька подбегает к первому встречному мальчишке, который вышел из магазина:

— Дай шлепки на минутку!

— А ты мне что?

— А я тебе? Тень!

Мальчишка сомневается, что сделка выгодная, но снимает шлепки.

Алька кое-как засовывает свои чумазные ноги в шлепки, пока мальчишка не передумал.

— А тень когда отдашь? — кричит мальчишка ей вслед.

— На обратном пути.

ЛОХ СЕРЕБРИСТЫЙ

Алька скакала по довольно узкой полоске асфальта, и ее тень никак не умещалась на тротуарную дорожку полностью. Она сложилась пополам так, что одна ее половина скакала по высоким камышам, а вторая путалась под ногами и немножко отставала.

Девочка сдвигалась к краю дорожки, чтобы уступить место тени, но тогда упиралась в камыши с другой стороны. А камыши в засушливое лето острее осоки.

— Ты что, не видишь? — погрозила она тени пальцем. — Вернись на дорожку. Поранишься об камыши!

Но тень ничего не ответила, а только погрозила Альке пальцем в ответ и вся сплошь откинулась на камыши.

Чем ниже солнце — тем длиннее тень. Кажется, так в книжке с картинками написано?

— Погоди еще немного, — успокаивала Алька тень. — Дерево совсем близко. Чувствуешь, медом пахнет.

Тень не имела представления, о каком дереве речь, но на всякий случай остановилась вместе с Алькой и повела носом, принюхиваясь к воздуху.

— Хватит меня дразнить! — вспылила Алька. — А то убегу от тебя — не догонишь.

Она помчалась по дорожке навстречу серебристому дереву. Тень пустилась за ней.

— Потрогай листочки, какие мягкие, бархатистые, как заячьи ушки... — сказала девочка тени. — А эти желтенькие цветочки похожи на короны крошечных эльфов. Как ты думаешь, тень, в этом серебристом дереве живут серебристые или золотистые эльфы?

— Ладно, давай поищем ягодки, если не хочешь разговаривать. Кто первый? Знаешь, бабушка не разрешает есть эти ягодки. Я бы и сама не стала, но мне так хочется добыть бурундучковую косточку! А чтобы ее добыть, нужно обязательно съесть мякоть.

Алька сорвала серебристую бусинку с дерева, подула на нее (ведь бабушка говорит, что у дороги пыльно) и засунула в рот.

Мякоти на косточке почти совсем не было. Во рту у Альки оказалась толстая кожура с ворсинками. Но она ее не выплюнула, потому что предвкушала, как станет счастливой обладательницей еще одной полосатой косточки для бус. Она уже насобирала какое-то количество таких косточек в спичечную коробочку и спрятала ее между досок в сарае.

— У всех девочек на острове бусы из ракушек, а вот у меня будут бурундучковые бусы. Я скажу, что это мне моряк Женя на корабле привез из дальних стран.

Алька искала ягодки, добывая косточки уже известным способом.

— Вот видишь, сколько мы уже насобирали! А ты мне совсем не помогаешь, — сказала Алька тени.

Но ее уже след простыл. Смеркалось. Алька услышала, что ее ищут по всему острову.

— Ох, и влетит же мне от бабушки.

— Слава богу, нашлась! — воскликнула бабушка. — Мы остров три раза обошли, уже и на речке в каждую будку к рыбакам заглянули.

— А хлеб где?

Тут Алька поняла, что положила авоську с хлебом под серебристое дерево.

— Бабушка, ну прости, у меня такое важное дело было!

— Какое такое дело?

Алька открыла ладошку, и бабушка увидела горстку слипшихся полосатых косточек.

— Ну, хорошо, что не кузнечики. Как в прошлый раз. А на что они тебе, эти косточки?

— Бабушка, я хотела бусы сделать. Для себя и для тени. Но теперь, теперь... —

Алька начала всхлипывать, — я для тебя тоже. Сделаю.

Бабушка погладила Альку по голове:

— А знаешь, как это дерево называется?

Алька смахнула слезу, в глазах сверкнули искры любопытства.

— Оно называется «Лох серебристый».

— А что такое «лох»?

— Это наивный человек, которого все обманывают. Слово очень обидное, поэтому никого так не называй.

— А дереву разве не обидно?

— А ты у него сама завтра спроси.

РАЧКИ

— Давай к берегу, раз-два, разворачивай.

Последний раз песок на мелководе вспенился и улегся обратно на дно.

Рыбаки растянули волокушу у кромки воды так, чтобы барашки случайно не смыли добычу.

Казалось, на земле раскинулся сказочный, ослеплявший само солнце живой красотой ковер, вытканый диковинными рыбами и моллюсками, морскими коньками и заморскими крабами.

Нужно было специально протереть глаза, чтобы осознать: все эти дары моря не нарисованы.

— Мне, чур, рыбу-иглу, — дрались мальчишки за первенство.

— А мне надо крабиков в песчаный дворец.

— А у меня пруд совсем готов, чур, вся тюлька мне.

Я не обращала никакого внимания на все эти баталии и за обе щеки уплетала сладкие хвостики креветок величиной не больше тыквенной семечки.

— Как ты это вообще ешь? Они же сырые. Айда зажарим!

— Мне сырые вкусно! Отстань.

— Эй, детишки, вы нам хоть кильку на наживку оставьте, — посмеивался один из рыбаков.

— Подчистую невод вытрясли, не успел я затянуться, — усмехнулся второй. И громко: — Разойдись!..

Рыбаки намотали сеть на палки и ушли к сваям.

— Дядя Миша, возьми меня с собой, я легкая, — ныла я.

Дядя Миша уже готов был усадить меня на плечи, но второй рыбак возразил:

— Там ямы, нет, — и шепнул второму на ухо: — Дед запретил.

Я стояла несколько минут неподвижно, потому что раньше дядя Миша не боялся никаких ям. Наверное, у него солнечный удар. Или он расстроился, что мы всего живца за пять минут извели.

Кисло-сладкое послевкусие рачков (так здесь называют мелкую креветку) немного утешило меня, и я закричала вслед уходящим в море рыбакам:

— Я сама наловлю!

Но мой голос проглотил шум прибоя.

Я побежала на речку искать подходящий сачок. Вы же наверняка не думаете, что сачок для бабочек подойдет.

Креветок ловили у больших кораблей, которые стояли в доках гавани Шмидта годами, отчего их днище стало похоже на подошву ботинка, измазанного в садовой грязи. Только вместо червей из ракушек выглядывали морские уточки. Да нет, не утки с перьями — те слишком велики, а ракушки-черви и тысячи других рачков-червячков. Выучить их названия жизни не хватит, говорит моя тетя. Она и научила меня есть сырых рачков.

Но как я попаду без лодки в док за камышинный остров?

Может, попробовать ловить прямо здесь под лодками, пришвартованными к мостику?

Но сначала нужно найти большой квадратный сачок с сеткой, как марля, чтобы цедить воду.

Будка деда была открыта, и я полезла за сачком. Нужно было отодвинуть десяток спиннингов, удочек и переставить тяжеленные весла, чтобы добраться до него. Мы с дедом давно его не доставали, рыбаки говорили, что рачок из доков весь к сваям ушел, в теплую воду, а там сачком не половишь.

— Баловница, — послышалось из-за спины. — Ты что там ищешь?

— Деда, я сачок ищу.

— А зачем тебе сачок? Головастики с мостков ловить?

— Нет, я рачков хочу наловить.

— Как же ты в док собралась? Или лодку хочешь угнать? Так тебе пока, милая, и одного весла не поднять.

Дед взял весло и дал мне его подержать на весу.

Я схватила весло и старалась удержать его, сжимая его изо всех сил своими загорелыми ладошками. Но весло подалось лопастью вниз и потянуло меня за собой.

Дед подхватил весло, а я так и осталась висеть на нем, как на турнике.

— Эй, баловница, отдай весло, — ласково сказал дед.

Я готова была разрыдаться от обиды на весь этот взрослый мир, но дед вытащил маленький сачок, посадил меня на плечи и понес на речку караулить леща в камышах.

— Деда, а разве лещ в такой маленький сачок поместится?

Мы сидели на мостике, я так пристально вглядывалась в камыши и напряженно держала сачок наготове. Постепенно глаза мои начали слипаться, руки обмякли, и дед едва успел подхватить меня на руки, чтобы я не клюнула носом в воду.

ТРАВА-МУРАВА

Меня привозили на Горостров в конце июня, когда море прогревалось градусов до тридцати. Чтобы не простыла. А забирали меня в августе, когда у мамы заканчивался отпуск, или перед первым сентября. И так из года в год. Поэтому я была убеждена, что на Горострове лето никогда не кончается.

— Где зимовать будешь? — спрашивали друг друга рыбаки, у которых не было лодочного гаража, пытаясь застолбить место поближе к берегу, чтобы по весне, как только берега оттают, легко спустить лодку на воду.

Железным катерам обязательно нужен гараж, чтобы не заржаветь. А деревянные лодки прекрасно зимовали на берегу под любым навесом, а то и просто слегка прикрытые полиэтиленовой пленкой и всем, что под руку попадет. Конечно, перед спуском на воду их смолили, красили и трафаретом наносили нехитрые номера: Л-35, Л-557 и т. д.

Снять с воды даже фанерную лодку одному было невозможно, да их и не было почти, потому что самая безобидная волна такое корытце опрокинет, смеясь.

Резиновые лодки и фанерки годятся только на то, чтобы карася в камышах караулить, а в море лодка с острым килем нужна. Иначе как волну резать?

К мосткам по всему берегу были привязаны в основном баркасы с мотором внутри и самодельные яхты, по сравнению с которыми наша лодка в шесть метров казалась игрушечной.

Лодочные гаражи тянулись вдоль реки беспросветно, так что даже боком между ними лодку не выгачить. Но каждые метров сто пятьдесят обязательно были скользкие широкие сходни с рельсами и корабельной лебедкой.

Прицеп на колесах ставили на рельсы и затаскивали на них лодку, пока ее нос жестко не упрется в деревянную шпалу. Потом уже лебедкой подтягивали всю конструкцию на берег. У кого был свой прицеп, тот так и оставлял лодку зимовать прямо на нем. Только колеса прятали в будку, чтоб не увели. Такие лодки не переворачивали, а хорошо накрывали чем попало: ватными одеялами, старыми рыбацкими дождевиками... Укутывали на зиму.

Но я знаю это только из рассказов деда.

Лодки зимовали как раз в том месте, где бабушка развешивала белье. Зимой стирали только самое необходимое и сушили над печкой или на улице — до хруста, если случались морозы.

Порой всю осень и зиму лили дожди, плавно переходя в весенний паводок.

Воды было так много, что лодки, бывало, трогались со своих стоянок без спроса и наверняка уплыли бы, если бы не были крепко привязаны цепями с замком.

Летом, когда лодки спускали на реку, в месте зимовки еще долго стояла вода.

И даже засушливое лето было бессильно перед сочной лебедой и изумрудной травой, которая даже и не думала сдаваться солнцу, успев напитаться водой на весь сезон.

От дома вниз к колонке земля трескалась от зноя, но только перейдешь на луг, разделявший двор и реку, тут же попадаешь в пяточный рай. Прохладная трава-мурава щекочет пятки, лебеда заигрывает с коленями, а если потрогать траву ладошками, то кажется — только что прошел дождь. Хотя уже больше месяца с неба не упало ни капли.

Утром, когда мы идем на рыбалку, над лугом плывут цветные туманы.

Доставая сучковатые выцветшие весла из лодочной будки, мы с дедом мечтаем, что когда-нибудь у нас будет яхта с каютой или хотя бы лодка с мотором, и мы сплестем сети и пойдем далеко в море на белугу. Когда? Конечно, летом, потому что лето на Горострове не кончается никогда.